



## Переписка П. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ“.

Телеграмма 13 Февраля, 1882 г.

Ровинскій предлагаетъ Вашему ближайшему знакомому, ѣздившему въ Петербургъ, мѣсто чиновника особыхъ порученій—жалованьемъ двѣ-три тысячи. Пишу почтой, отвѣчайте.

Аксаковъ.

Адресъ: Московской губерніи, Вознесенскъ, Павлу Дмитріевичу Голохвастову.

Петербургъ, 2 марта, 1882.

Или Вы моего письма не получили, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, или я Вашего. Писаль я Вамъ 21, послѣ перваго свиданія моего съ графомъ Игнатьевымъ, писаль, впрочемъ, только о самой невинной сути этого свиданія: что я назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій съ 3000 р., да еще просилъ Вашей карточки къ Скобелеву. Изъ неприсылки этой карточки я и заключаю, что которое нибудь изъ нашихъ писемъ не дошло. Если же Вы *теперь* не желали моего знакомства со Скобелевымъ, во избѣжаніе лишнихъ разговоровъ о Земскомъ Соборѣ, то—полагаю—туть то и отвѣчали бы, иносказательно объяснивъ мнѣ необходимость молчать даже со Скобелевымъ. Это письмо, по вѣрной оказіи съ молодымъ Шатиловымъ, пишу разомъ Вамъ и женѣ. Онъ собирался въ Москву на четвертой недѣлѣ поста, непременно будетъ у Васъ; покажите ей, пожалуйста.

19-го Февраля, въ день пріѣзда моего, я Игнатьева не засталъ. 20-го былъ у Воейкова, который оказался очень старымъ знакомымъ. Отъ Воейкова я узналъ, что Игнатьевъ желаетъ меня видѣть завтра,

послѣ обѣдни и уже до пріѣзда моего отложилъ для меня дѣло: написать для Сельск. Вѣстн. какъ убили покойнаго Государя и какъ на него прежде покушались, за чтò и осуждены—6 въ прошломъ году и 20 теперь. На другой день Игнатъевъ увелъ меня изъ церкви къ себѣ. Спросилъ: согласенъ ли я на такія то условія—покаместъ? И перешелъ къ дѣлу: во первыхъ, онъ потерялъ мою записку (прежнее письмо къ Воронцову)—о выборахъ на З. Соборъ и о перемѣнѣ ценза и просить меня снова написать ее. Во вторыхъ: какое мое мнѣніе о Крестьянскомъ банкѣ? Выслушалъ; и объ этомъ просилъ написать записку. Я спросилъ: спѣшно ли то и другое дѣло или же сперва написать о царубійцахъ—дѣло срочное. Про это порученіе онъ не мигомъ вспомнилъ. а, вспомнивъ, какъ то странно выразительно отвѣчалъ:—Прямо за 1-ое Марта примитесь и обращайтесь *постоянно* къ Воейкову за свѣдѣніями: *такихъ дѣлъ* я Вамъ и еще *придумаю* (и на ухо):—прежде чѣмъ будете *манифестъ* писать. Въ комнатѣ, впрочемъ, никого не было; одинъ, и то далеко въ углу, стоялъ Потаповъ и все крестился отсюда на насъ съ Игнатъевымъ. По поводу *манифеста* Игнатъевъ опять разсыпался въ похвалахъ моему языку—съ знатоковскими замѣтками при этомъ.....Я изъ этого разговора вывожу: во первыхъ, что Воейковъ о З. Соборѣ не долженъ знать и что моими статьями для Сельскаго Вѣстника отводятъ глаза весьма ловко, ибо очень многимъ заразы, цѣлому комитету о Сельск. Вѣстникѣ, то есть Воейкову, Вяземскому, Заикѣ, Плеве, Данилевскому, Бычкову, Богушевскому, все людямъ разныхъ вѣдомствъ и довольно разныхъ слоевъ общества. Въ этомъ комитетѣ обсуждалась, изложенная мною на словахъ, программа моей статьи, въ прошлую Среду, а завтра будетъ обсуждаться самая статья. Во вторыхъ вывожу, что я Игнатъеву нуженъ именно какъ *перо*, а что *серьезно* о З. Соборѣ на умѣ у него покаместъ ничего или немного. Въ этомъ подтверждаетъ меня вотъ что: Воейковъ съ перваго же свиданія далъ мнѣ прочесть копію съ записки, писанной имъ, подписанной Игнатъевымъ—съ примѣчаніями Государя. Мѣсяцъ и число въ копіи не прописаны, такъ что—была ли она подана до или послѣ моего намереннаго пріѣзда къ Игнатъеву, не знаю, а выспрашивать объ этомъ не хотѣлось. Въ запискѣ перечислено и—осторожно, но тѣмъ не менѣе сильно—вздуто все, что было доселѣ сдѣлано или начато добраго: выкупное дѣло, кабацкое, переселенческое и пр., и пр.; народъ—дескать—совершенно удовлетворенъ; и общество удовлетворено тѣмъ, что къ обсужденію вызывались свѣдующіе люди. Теперь пусть этихъ свѣдующихъ людей выбираетъ Земство. Дума. Управа; въ видѣ рекомендаціи ихъ правительству, а правительство, не стѣняясь указаніями Земства, и пр., будетъ изъ нихъ вызывать

кого заблагодарасудить; этимъ ужъ удовлетворится и самая крамола (!) и, если твердо держаться этого плана, такъ что твердость эта будетъ всеѣмъ и всякому явственна, то все на этомъ и успокоится. Важно уже и то, по моему, что этакую чепуху могъ подписать и подать Государю Игнатъевъ; но гораздо важнѣе подписи Государевы: сверху нѣчто въ такомъ родѣ: *если это не программы правительства, то ужъ и не знаю чего еще надо*. А по бортамъ почти все, пунктъ за пунктомъ; опровергнуто или подвергнуто сомнѣнію; напримѣръ,—народъ удовлетворится... а съ борту: *собств. Его Величества рукою поставленъ вопросный знакъ*; общество удовлетворится... *Едва ли*; крамола удовлетворится... *Да разве того ей надо?*—какъ же согласить противорѣчія верхней подписи и боковыхъ? Этой записки и бесѣды о З. Соборѣ?—Пока я читалъ, въ канцеляріи были посторонніе, я молча вернулъ записку Воейкову; пожавъ ему руку, ушелъ и больше не заикался съ нимъ про это. Съ чего онъ далъ мнѣ эту записку въ первое свиданіе? Самъ собой или по приказу Игнатъева? Первое слишкомъ бы индискретно кажется; второе бессмысленно, если Воейковъ про мои отношенія къ Земско-Соборному вопросу не знаетъ. Думается такъ: Игнатъевъ сказалъ Воейкову: пріѣхалъ Голохвастовъ, мнѣ подали его карточку, но забыли спросить гдѣ онъ остановился (это фактъ, слѣд., Игнатъевъ въ день пріѣзда уже говорилъ обо мнѣ Воейкову). И, предполагаю, продолжалъ:—дайте ему эту нашу записку прочесть—что онъ про нее скажетъ? А про себя думалъ: посмотримъ, выскажетъ ли Голохвастовъ по поводу этой записки что нибудь Воейкову о Земск. Соборѣ. На другой день послѣ моего свиданія съ Игнатъевымъ, Воейковъ позвалъ меня къ себѣ завтракать и сталъ спрашивать о запискѣ; я отдѣлался разумѣется, очень блѣдными отвѣтами. Больше я Игнатъева не видалъ. Написалъ о 1-мъ Мартѣ. Теперь переписываю записку о выборахъ на Соборъ, очень усиливая инныя мѣста, напримѣръ, о необходимости сочетать Соборъ съ коронаціей. Эту записку передамъ изъ рукъ въ руки Игнатъеву въ Воскресенье, послѣ обѣдни; самое удобное время видѣться съ нимъ, не возбуждая вниманія постороннихъ; мимоходомъ анекдотъ: 21-го Игнатъевъ, когда послѣ обѣдни подошли къ кресту, взялъ меня подъ руку и увелъ. Послѣ разговора, отвелъ меня къ графинѣ: я у нее еще посидѣлъ. Ухожу, какъ пришелъ, мимо церкви, пощъ подаетъ мнѣ просвирку: натошакъ часъ слишкомъ ждалъ меня. Наши московскіе попы не такъ предусмотрительны; но дальновидны ли здѣшніе? Въ самомъ ли дѣлѣ повезетъ мнѣ (по ихнему), дѣлу моему (по моему)? Что то плохо вѣрится.

По пріѣздѣ Скобелева дня два-три очень говорили объ отставкѣ Игнатъева. Прочили ему въ преемники Абазу, Александра Алексѣевича,

Половцева, Лобанова-Ростовскаго и даже Новикова, лѣтъ тридцать не видавшаго Россіи.

Вчера, 1-го Марта, Государь проѣхалъ въ крѣпость по Невскому съ Государыней, безъ конвоя; шаговъ за пятьдесятъ за ними Алексѣй Александровичъ, потомъ другіе Великіе Князья и наконецъ свита. По Екатерининскому каналу—отъ Невскаго до часовни и отъ часовни въ ту сторону—продратъся было нельзя во время панихиды, и.....\*)

Государя не ожидалъ, просто пришелъ молиться.

Я пишу женѣ такъ, чтобы, если письмо не застанетъ ее въ Москвѣ, могло бы дойти къ ней *по почтѣ*; поэтому прибавлю иное тутъ, специально ей интересное; а это, впрочемъ, и Вамъ: постоянно слышно, что Государь хочетъ покинуть Гатчину и переѣхать въ Москву на долго. Я спрашивалъ про это у Олсуфьева; онъ не отвѣчаетъ ни да, ни нѣтъ, но скорѣе—да. Тогда, конечно, и Игнатъевъ будетъ въ Москвѣ, вѣроятно, и я съ нимъ. Срокъ переѣзда будто бы къ Пасхѣ.

Я очень боюсь, что Игнатъевъ поведетъ дѣло къ З. Собору слишкомъ осторожно и мелко и приведетъ не къ великому Собору, а къ соборишкѣ, очень невинному съ виду, но въ дѣйствительности ужасно опасному. Тѣмъ болѣе хотѣлось бы мнѣ, чтобы Игнатъевъ поручилъ мнѣ приготовить изданіе соборныхъ актовъ и написать предисловіе къ нимъ. Тогда бы я все доселѣ написанное мною разбилъ на двѣ части: одну для публики, другую для правительства,—постарался бы *всячески*, чтобы обѣ части безъ искаженія попали въ руки Государя. Если же бы не попали всетаки, рѣшился бы, пожалуй, напечатать ихъ обѣ за границей. Такимъ образомъ правда уже бы дошла до Государя и, хоть и не хорошимъ путемъ, прошла бы въ общество. Въ Воскресенье попробую уговорить Игнатъева на это изданіе. Въ Январѣ онъ этому, казалось, очень сочувствовалъ. А, чтобы изданіе это было и ученымъ интересно, надо бы пошарить въ Московскихъ архивахъ:—не найдется ли неизданныхъ еще актовъ. При этомъ у меня еще цѣль: когда я буду говорить, что надо бы мнѣ надъ этимъ въ Москвѣ поработать—не проговорится ли Игнатъевъ, что и онъ,—то есть, и Государь,—будетъ въ Москвѣ и сочувствуетъ ли Государь созыву Собора къ коронаціи.

До свиданья, дорогой Иванъ Сергѣевичъ; мой глубокой поклонъ Аняѣ Θεодоровнѣ.

Душевно Вашъ П. Голохвастовъ.

\*) Неразборчиво.

Петербургъ—8-го Марта, 1882.

Ваше письмо, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, о мужицкой и народной рѣчи писано чуть ли не какъ разъ въ тотъ часъ, когда я внушалъ отцамъ Сельскаго Вѣстника,—а ихъ у него, какъ по пословицѣ у солдатскаго сына,—семеро: Вяземскій, Воейковъ, Заика, Плеве, Бычковъ, Данилевскій и Богусевичъ, родитель его,—1) чего, по моему, должно требовать отъ *печатной* народной рѣчи: чтобы она была какъ алмазь—чиста, ясна и плотна; 2) что мужику легче дочутся смысла въ жаргонѣ Петербургской барыни и даже въ тарабарщинѣ Петербургскаго газетчика, нежели въ такъ называемой народной рѣчи господъ Глѣбовъ Успенскихъ; 3) что народъ, не какъ мы, уважаетъ печатную рѣчь, терпѣть не можетъ въ ней не только пошлости никакой, но даже и обыденщины лишней; а иногда, соотвѣтственно смыслу, требуетъ и *высокихъ словъ*: подлинное, мною слышанное выраженіе.

Но гр. Игнатьевъ,—какъ во всемъ умница,—не бракуетъ и высокихъ словъ въ статьяхъ моихъ. Я видѣлъ его на минутку, послѣ обѣдни, онъ обѣщалъ мнѣ досужное свиданіе на этой недѣлѣ, а черезъ Воейкова заказалъ мнѣ въ „Сельскій Вѣстникъ“ статью о Крестьянскихъ Банкахъ.

. . . . . \*).

Петербургъ, 10 Марта, 82.

Пользуюсь опять вѣрной оказіей, чтобы написать Вамъ нѣсколько словъ, дорогой Иванъ Сергѣевичъ. Третьяго дня писалъ Вамъ по почтѣ въ отвѣтъ на ваши замѣчанія о народномъ языкѣ и упоминалъ о моемъ минутномъ свиданіи съ гр. Игнатьевымъ въ Воскресенье. Хотя и короткое было свиданіе, но интересное. Графъ Игнатьевъ прямо встрѣтилъ меня словами:—радуйтесь, Русскій человѣкъ; сбудется, Богъ дастъ; идетъ, идетъ наше дѣло. Теперь говорить объ этомъ некогда, на недѣлѣ увидимся; до Четверга я очень занятъ; чуть буду посвободнѣе, дамъ Вамъ знать. Переговоримъ о чемъ Вамъ и какъ писать, для публики, для народа и пр.

На этомъ разговоръ долженъ былъ прерваться, въ гостинной было много народа изъ церкви; мы говорили въ залѣ, а графиня, кажется, уѣхала изъ Петербурга. Я остановилъ графа еще на одно слово: что знаетъ Воейковъ и какъ мнѣ съ нимъ держать себя въ этомъ отношеніи?

\*) Конецъ этого письма утерянъ.

(Онъ ужъ любопытствовалъ: подавалъ ли я графу такую то записку въ Январѣ; чтò такое мною писанное графъ потерялъ и искалъ?)—Что же Вы отвѣчали?—Что писалъ Вамъ о перемѣнѣ ценза съ земельного на хозяйственный. Прекрасно, такъ и впредь отговаривайтесь.—Знаемъ: я, Вы, Иванъ Сергѣевичъ и больше никто.

Тотчасъ потомъ Воейковъ позвалъ меня обѣдать. Предвидя, что онъ будетъ вывѣдывать о чемъ я говорилъ съ графомъ, я приготовилъ графу записку о Крестьянскомъ Банкѣ. И точно:—Чтò, графъ поручилъ Вамъ еще что нибудь написать для „Сельскаго Вѣстника“?—Поручилъ; только не успѣлъ я съ нимъ столкнуться вотъ о нотаріальной части... во вторыхъ... въ третьихъ...—Подайте-ка графу эту записку—не сегодня, такъ завтра.—Воейковъ успокоился, а графу я далъ этимъ благовидный предлогъ вызвать меня. Чтòбы вызывать на нескромность, Воейковъ и самъ нескроменъ со мной. Такъ, онъ выболталъ мнѣ, что коронація назначена въ Августъ; что изъ осужденныхъ никого не казнятъ и, если коронація пройдетъ благополучно, то и помилуютъ тогда;—что Скобелеву Государь сказалъ при первомъ свиданіи: *Императорскому Правительству* неудобно, чтò Вы говорили въ Парижѣ; то есть, что себя Государь отдѣлилъ тутъ отъ правительства. Жаль, что нѣтъ у меня второго экземпляра *Черемны* въ проэктъ Крестьянскаго Банка, внесенныхъ гр. Игнатьевымъ въ Государственный Совѣтъ, а теперь ужъ и утвержденныхъ. Проэктъ, такимъ образомъ, мало по малу, улучшается; теперь, надѣюсь, еще будутъ двѣ-три важныя перемѣны. Вообще, по моему, Банкъ этотъ дѣло хорошее. Поддержите его, Бога ради, не позволяйте Шарапову такъ торопливо судить объ этомъ. Воейковъ спросилъ меня о Шараповѣ, я уклонился отъ отвѣта; вѣдь, я въ самомъ дѣлѣ, знаю его только по тому, что читалъ. Судя по тому, что Воейковъ трунить надъ нимъ, я полагаю, что въ нашемъ Министерствѣ Шараповъ не понравился, но В. Н. Шаликовъ говорилъ мнѣ съ нѣкоторымъ ужасомъ, что Шараповъ очень понравился Островскому.

Да, вотъ еще забылъ; Игнатьевъ сказалъ мнѣ, что главная помѣха въ нашемъ дѣлѣ Побѣдоносцевъ; но и тутъ же повторилъ:—а все таки идетъ оно и пойдетъ.

Когда я увижусь съ графомъ, то сговоримся съ нимъ какъ написать: 1) брошюру или предисловіе къ изданію Соборныхъ Актовъ, объ основахъ конституціи и Земскаго Собора, объ истинномъ самоуправленіи и объ истинномъ самодержавіи; 2) историческій очеркъ Земскихъ

Соборовъ для народа,—въ Сельскій Вѣстникъ, что ли; 3) матерьялъ для манифеста и рескрипта министру. Для досужей работы надъ этимъ постараюсь, чтобы Игнатъевъ командировалъ меня въ Москву подъ благовиднымъ предлогомъ, который я уже и придумалъ. Это дастъ мнѣ возможность поработать дома, гдѣ у меня масса книгъ съ готовыми отмѣтками—сюда я взялъ только акты,—порыться въ архивахъ, коль хватитъ времени,—не найду ли чего новаго о Соборахъ, чрезъ что изданіе стало бы и ученымъ интереснѣе,—щеголеватѣе уже, во всякомъ случаѣ. Маскирующія истину пустыя работы въ С. Вѣстникѣ не отрывали бы меня отъ дѣла. Отсутствие мое изъ Петербурга прекратило бы всякія догадки обо мнѣ. Въ три-четыре мѣсяца было бы все и хорошо приготовлено. Только неудобное для Собора время,—самое рабочее,—Августъ; а поздняя осень неудобна для коронаціи.

Письмо это доставить Вамъ Мих. Роман. Романовъ, товарищъ прокурора въ Кіевѣ, бывшій воспитатель сыновей І. Н. Шатилова, урожденный крестьянинъ, славный человѣкъ,—я его давно и близко знаю. Теперь его посылаютъ въ Сибирь изслѣдить за Волгой и за Ураломъ новое, не террористическое, а народническое общество, такъ называемое—„Красный Крестъ“.

.....

До свиданья. Душевно Вашъ

П. Голохвостовъ.

12 Марта.

Сейчасъ былъ у Дм. Θεод. Самарина и вотъ что слышалъ отъ него: гр. Игнатъевъ спрашивалъ у кого то:—А что—моль, если бы собрать съ коронаціи крестьянъ отъ волости по выборному.—Прибавилъ, что онъ говорилъ объ этомъ Государю. Но слова „З. С.“ гр. Игнатъевъ не произнесъ, а только сказалъ, что Государь будетъ говорить рѣчь этимъ крестьянамъ. По толкованію Дм. Θεодоровича: это ужъ гр. Игнатъевъ пускаетъ пробные шары въ публику. И ужъ въ обществѣ толкуютъ (говоритъ Дм. Θεод.)—въ какомъ же мѣстѣ Государь будетъ говорить съ такой уймой народа—18 тысячъ крестьянъ! и гдѣ ихъ размѣстятъ,—лагеремъ на Ходыннѣ, что ли?

Я съ Воскресенья (сегодня Пятница уже минула) гр. Игнатъева не видалъ; вѣроятно до Воскресенья ужъ и не увижу. Слышу, что онъ очень занятъ: то и дѣло въ Гатчинѣ.

До свиданья.

Душевно Вашъ

П. Голохвостовъ.

7\*

Р. С. Мих. Ром. Романовъ пробудеть въ Москвѣ дня три; потолкуйте съ нимъ какъ-нибудь на-единѣ о новомъ типѣ интеллигентовъ, которые не хотятъ республики, ни конституціи, хотятъ монархіи, но чтобы она была санкціонирована гласно народомъ и собираются продолжать покушенія на Государя только затѣмъ, чтобы подвинуть правительство на дѣйствія рѣшительныя, то есть на что же? . . . на Э. Соборъ.—А, коли успѣете, то и о Кіевскихъ жидовскихъ безпорядкахъ потолкуйте съ нимъ. Онъ товарищъ прокурора въ Кіевѣ, мой старый знакомый. Съ Вами онъ будетъ вполне откровененъ.

П. Г.

Петербургъ, 1 Апрѣля, 82.

Ров. былъ очень занятъ, что я только успѣлъ передать эстампъ ему, не успѣлъ даже сговориться—когда опять видѣться. Вы не знаете этой гравюры, не видали ее и не слыхали о ней; вѣроятно, Ров. Вамъ доставить ее, чтобы Вы рѣшили: въ чисто ли Русскомъ вкусѣ передано общее и детали сюжета. Отзовитесь строго, не щадя гравера. Передайте это, пожалуйста, и Дм. Θεод., на случай, что онъ здѣсь увидится съ Ров. или съ другими знатоками; онъ тоже этого эстампа не знаетъ.

Если успѣю, напишу Вамъ статью о 2-мъ томѣ Барсова сборника „Причитанія рекрутскія“. Томъ только что вышелъ, я читалъ его на жел. дор. и ушелъ въ отдѣльное купе потому, что то и дѣло не могъ отъ слезъ удержаться, читая: совѣстно было сидѣть и плакать въ общемъ вагонѣ. Посвященіе покойному Государю, прекратившему эти ужасы, помѣчено 1-мъ Марта. Такъ и буду писать.—Вотъ одна изъ его реформъ, а его убили. По содержанію и по стижу этотъ томъ чуть ли не лучшее изъ досель напечатаннаго народнаго творчества.

Женѣ пишу, чтобы она, не мѣшкая, принялась за статью на книги Страхова.

До свиданья. Душевно Вашъ

П. Г.

Что же, любезнѣйшій Павелъ Дмитріевичъ, Вы замолчали, и ни слова о Вашей гравюрѣ? Продали ли ее? Какъ думаетъ о ней Ровинскій? Не показывали ли ее другимъ знатокамъ? Мнѣ очень хотѣлось бы, да и нужно знать, какъ обстоитъ Ваше дѣло и имѣете ли Вы



надежду на выгодный сбытъ? Я желалъ бы быть въ томъ предупреденнымъ заранѣе. Впрочемъ, можетъ быть, Самаринъ привезетъ мнѣ вскорѣ письмо отъ Васъ?

Вашъ И. в. Аксаковъ.

---

Апрѣль, 16, 1882.

Обратите вниманіе на передовую 16-го №, который выйдетъ завтра. Произведетъ ли она впечатлѣніе или ровно никакого?

Это письмо посылаю Вамъ, любезнѣйшій Павелъ Дмитриевичъ, съ особымъ артельщикомъ, котораго прошу Васъ не задерживать и съ которымъ прошу прислать отвѣтъ обстоятельный. Нарочно и посылаю, какъ это не дорого. Пусть это свидѣтельствуемъ Вамъ о томъ лихорадочномъ состояніи, въ которомъ я нахожусь и о которомъ Вамъ, право хоть по дружбѣ, слѣдовало бы вспомнить. Мнѣ необходимо знать, въ какомъ положеніи дѣло: точно ли 6-го Мая будетъ объявленъ манифестъ? Если 6-го Мая, то вѣдь Майскій № выходитъ 8-го Мая въ Субботу: не можетъ же „Русь“ тотчасъ не отозваться на это событіе или отозваться черезъ недѣлю, послѣ всѣхъ другихъ газетъ. Если я буду знать, что точно 6-го Мая манифестъ будетъ подписанъ, то заранѣе напишу статью, которую и сдамъ въ печать, какъ только получится телеграмма о подписаніи или обнародованіи манифеста. № весь будетъ готовъ, оставляю только мѣсто для статьи, которую и успѣютъ набрать въ нѣсколько часовъ. Не знаю, какъ будетъ манифестъ обнародованъ? 6-го ли Мая или только подписанъ 6-го Мая, а обнародованъ позднѣе—7-го Мая, напримѣръ; затѣмъ: одновременно ли обнародованъ въ Москвѣ и Петербургѣ или сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ? Если бы я все это зналъ заранѣе, я могъ бы ускорить днемъ и появленіе №, то есть выпустить его тогда же, когда одновременно въ первый разъ заговорятъ о немъ всѣ прочія газеты. Вѣдь, пришлютъ же Каткову *заранѣе* экземпляръ манифеста, навѣрно. Отчего же не прислать таковой и мнѣ? Пожалуйста, позаботьтесь объ этомъ, поработайте немножко въ интересахъ „Руси“. Вы, кажется, начинаете о нихъ забывать. По крайней мѣрѣ, Вы не отвѣтили мнѣ на мое индифферентное письмо, на которое отвѣтить было не мудрено и, вообще, ничего мнѣ со времени отъѣзда не написали, хотя оказій было не мало. Хорошо, что пріѣхалъ Самаринъ, видѣвшій Васъ и графа Игнатъева, который самъ ему рассказывалъ все дѣло (вкратцѣ). Между тѣмъ, согласитесь, любезнѣйшій Павелъ Дмитриевичъ, что я имѣю нѣкоторое

право желать, чтобы „Русь“ не была обойдена въ этомъ событіи, наступленію котораго она не мало содѣйствовала....

Игнатьевъ сказалъ Самарину, что предварительно пріѣдетъ дня на два въ Москву подъ благовиднымъ предлогомъ. Не знаете ли Вы,—точно ли онъ пріѣдетъ, а если пріѣдетъ, то когда именно—и нельзя ли мнѣ о томъ знать заранѣе, такъ какъ жена моя на дачѣ и мнѣ приходится часто уѣзжать изъ города. Хорошо бы, если бы и Вы пріѣхали, и вотъ почему: Катковъ въ послѣднее время очень раздражился и сталъ враждебно относиться къ Игнатьеву, было бы *однако же нежелательно*, чтобы онъ отнесся къ манифесту холодно. Потому было бы очень полезно, если бы Игнатьевъ, *а еще лучше Вы*, по порученію графа, предварительно подготовили эту почву. Лучше, чтобъ Вы—потому, что Вы этого дѣла (Соборнаго) маниакъ и фанатикъ и сильнѣе всякаго другого можете воздѣйствовать на чужую душу, именно силою непосредственнаго убѣжденія. Я знаю, что Катковъ какъ-то выразился: „Аксаковъ все намекаетъ на Земскій Соборъ,—Соборъ былъ бы отличною вещью, если бы при этомъ была въ правительствѣ сила. А Соборъ безъ этой силы можетъ принести лишь вредъ“. Въ присутствіе этой силы онъ не очень вѣрить.

Затѣмъ, по обнародованіи манифеста, нужно бы печатать рядъ статей о Соборѣ и по поводу Собора. Вы прежде намѣревались печатать ихъ въ „Руси“. Но Дмитр. Θεод. сказалъ мнѣ, что онъ появится въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ или въ „Сельскомъ“. Пусть такъ; но это не помѣшало бы имъ явиться одновременно и въ „Руси“, ибо тѣ газеты въ публикѣ не распространены. Но нѣтъ ли у Васъ хоть по исторіи Собора чего нибудь другого, что могло бы появиться именно въ „Руси“ одной? Наконецъ, прошу Васъ указать мнѣ автора лучшаго историческаго очерка Соборовъ (я забылъ его имя): я бы обратился къ нему съ предложеніемъ написать новые переработанные очерки Соборовъ. Не Загоскинъ ли это? И не знаете ли его адреса?

Ради Бога, отвѣчайте мнѣ поскорѣй и обстоятельно на это письмо. Если нужно ускорить отвѣтъ, то велите артельщику ѣхать почтовымъ или даже курьерскимъ, а не пассажирскимъ поѣздомъ.

Я не радостью трепещу, а очень серьезно взволнованъ, какъ и подобаетъ, въ виду рѣшающаго великаго событія. Это вѣдь *послѣдняя ставка*: пропади она, выйди fiasco,—спасенія мирнаго болѣе нѣтъ.

Обнимаю Васъ крѣпко. Не хорошо Вамъ оставлять меня въ мучительной неизвѣстности.

Ив. Аксаковъ.

27 Апрѣля  
1882 года, Москва.

---

Петербургъ, 29 Апрѣля, 1882 г.

Многоуважаемый и дорогой Иванъ Сергѣевичъ, мужъ будетъ Вамъ писать сегодня ночью, послѣ свиданія съ гр. Игнатьевымъ и тогда, дастъ Богъ, сможетъ сообщить Вамъ что нибудь положительное. А пока онъ самъ находится въ точно такой же мучительной неизвѣстности какъ и Вы. Весь нынѣшній день, до 9 часовъ вечера занять у него спѣшной работой. Все то, что Вы пишете, я со словъ Вашихъ передала уже мужу, сначала въ письмѣ изъ Москвы, а затѣмъ во всѣхъ подробностяхъ вчера, при первомъ свиданіи нашемъ. Телеграфировать Вамъ иносказательно о днѣ пріѣзда въ Москву графа Игнатьева не пришлось мужу, такъ какъ и самый пріѣздъ не есть еще дѣло рѣшенное. Что же касается до писемъ,—неужели Вы не знаете какъ дорого, какъ отрадно было бы мужу отводить душу въ откровенной перепискѣ съ Вами, будь оно возможно. Но Воейковъ прямо предупредилъ мужа, что его письма къ Вамъ будутъ прочтены; мало того, желая, съ вѣдома графа, послать въ „Русь“ статью Угримова о Еврейскомъ вопросѣ, Воейковъ просилъ, было, мужа написать Вамъ по поводу этой статьи, но *неимаче*, какъ съ вѣрной оказіей. Такой не случилось, и это дѣло пришлось отложить. Д. Θ. Самаринъ обѣщалъ мужу непременно заѣхать къ нему въ день отъѣзда своего; но мужъ напрасно прождалъ его до обѣда, не рѣшился ѣхать самъ, боясь разѣхаться. Гдѣ же взять вѣрныхъ оказій? то есть вѣрныхъ людей. Теперь, особенно послѣ вчерашняго разговора со мной (я пріѣхала сюда вчера утромъ), мужъ именно былъ озабоченъ тѣмъ, какимъ бы образомъ дать Вамъ знать, чтобы Вы прислали сюда нарочнаго. Значить, какъ нельзя болѣе кстати явился нынче Вашъ посланный, только необходимо придется задержать его до завтра.

Ясному, твердому, вполне сознательному ходу дѣла тутъ помѣхъ не мало. Главное въ томъ, что гр. Игнатьевъ положилъ въ основу всего крупную ложь, въ которой онъ теперь, быть можетъ, и раскаивается, да ужъ выпутаться нельзя ему. Все, что мужъ писалъ и пишетъ, гр. Игнатьевъ выдавалъ и выдаетъ за „свое собственное“; отсюда и переписываніе собственноручно всѣхъ бумагъ, манифеста,

напримѣръ, до *пяти* разъ, послѣ каждой поправки маловажной и это при его страшномъ недостаткѣ времени. Понятно, тотъ, кто самъ не чувствуетъ незыблемо-твердой почвы подъ собой, не можетъ внушить полной увѣренности или лучше вѣры другому. Какъ бы ни былъ школьникъ уменъ, боекъ, увертливъ и находчивъ передъ экзаменаторомъ, но, если онъ не вполне владѣеть предметомъ,—такъ сказать, прошелъ не полный курсъ, а знаетъ только до такой-то страницы, до такой-то строчки, то, вѣдь, оно окажется. Теперь при каждомъ сомнѣннн, возраженнн, недоумѣннн необходима ссылка на слѣдующнн разъ, на будущнн докладъ, а затѣмъ новое свиданн съ мужемъ, чуть ли не ежедневное за послѣднее время. Словомъ, мужъ приготовился къ тому, что Государь откажется подписать манифестъ и въ такомъ отказѣ находить признакъ государственнаго ума и смысла, зрѣлости, обдуманности. Вѣдь, не шутки шутить, начинать такое важное дѣло, ставить, по Вашему выраженнн, послѣднюю ставку. Такъ вотъ въ чемъ, собственно, записка. Сверхъ того гр. Игнатъевъ не joue pas cartes sur table. Мужъ открылъ окольными путями затѣянную интригу, ради того, чтобы создать кабинетъ на Западный образецъ, составленный изъ единомышленныхъ, то есть покорныхъ, министровъ со все-сильнымъ премьеромъ во главѣ. И это одновременно съ воскресаемымъ Земскимъ Соборомъ то! Вы говорите, что боитесь „пестроты дѣйствнн“; едва ли возможно придумать что либо болѣе ярко пестрое. Но если мужъ—фанатикъ Земскаго Собора, то онъ не менѣе того и фанатикъ самодержавнн. Эскамотировать царскую власть въ пользу доморощеннаго Бисмарка, Биконсфильда и т. п. и свести Земскнн Соборъ на степень новоизобрѣтеннаго департамента при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ,—на это онъ не пойдетъ, конечно. Значить, въ крайнемъ случаѣ, произойдетъ полный разрывъ и тогда мужъ рѣшилсн отправиться прямо къ царю, изложивъ все дѣло въ письмѣ, которое обѣщалсн подать вѣрный челобѣкъ. Такъ вотъ какъ живетсн мужу здѣсь за это время,—не легко, какъ видите, и нечего объяснять Вамъ какъ дорого было бы ему свиданн съ Вами. Бумаги, нужныя Вамъ, онъ пришлетъ; все, что будетъ у него написано по вопросу о Земскомъ Соборѣ, имъ предназначается для „Руснн“; о статьяхъ въ „Правит. Вѣстнн.“ онъ въ первый разъ слышитъ, тутъ вышло недоразумѣннн; а сказалъ онъ Дм. Θεод., что для „Сельскнн Вѣстника“ надо будетъ написать популярную статейку. Остальное новое пусть онъ скажетъ Вамъ самъ, когда вернется отъ гр. Игнатъева, куда уѣхалъ теперь.

Мнѣ же позвольте крѣпко пожать Вамъ руку и попросить Васъ передать поклонъ и привѣтъ Аннѣ Θεодоровнѣ.

Въ деревнѣ подь Москвой мы оставили знойное лѣто, черемуху и сирень въ цвѣту; въ Бологомъ нашли глубокіе снѣга; а тутъ въ Петербургѣ холодъ и пронзительный вѣтеръ, совсѣмъ какъ слѣдуетъ.

Душевно преданная Вамъ

Ольга Голохвастова.

Четвергъ, 29 Апрѣля, вечеромъ.

Дорогой Иванъ Сергѣевичъ,

Сейчасъ вернулся я отъ гр. Игнатъева. Свиданіе было блѣдное, то есть интересное только весьма второстепенными подробностями. Государь все еще не говоритъ ни да ни нѣтъ. Игнатъевъ *все еще почти увѣренъ* (всегдашнее его объ этомъ), что къ 6-му манифестъ будетъ подписанъ. Онъ вчера былъ въ Гатчинѣ и совершенно будто бы (по словамъ Воейкова) убѣдилъ Государыню, что Варѣоломей Коченевъ (Любимовъ „Противъ Теченія“) и Катковъ—врутъ, что ихъ происки противъ З. Собора (Любимовъ, говорятъ, писалъ Государю) глупы и даже недоброкачественны..... Самъ Игнатъевъ мнѣ про это не говорилъ, но третьяго дня онъ вызвалъ меня и много разспрашивалъ о Варѣ. Коченевѣ, Тэнѣ, о томъ, почему Національное Собраніе приняло такой оборотъ и т. п. и кое-что крѣпко записывалъ на бумажкѣ. Я давно, но много занимался Французской революціей и, гдѣ память не измѣнила, отбрилъ Коченева сердито и не голословно.

Да, цѣль Игнатъева—премьерство. Узналъ я это такъ: онъ заказалъ Воейкову записку о Земскомъ Собрѣ: что это совсѣмъ не конституція и такъ далѣе, а выводъ: что предъ лицомъ З. Собора необходимо единомышленное министерство, а не какое теперь: кто въ лѣсъ, кто по дрова. Воейковъ велѣлъ сочинять эту записку князенькѣ Шаховскому (брату женатыхъ на Милутиной и Катковой). У недавняго студента, нынѣшняго чиновника Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Ив. Ив. Толстого, нашлись литографированныя лекціи Сергѣевича о З. Собрѣхъ; что это необходимое преддверіе къ конституціонному раю. Начали перефразировать эти лекціи шиворотъ на выворотъ. Безтолочъ написали даже самимъ себѣ ужасную; и просто, наконецъ, кликнули меня: потихоньку, молъ, отъ графа, Бога ради, научите. Я научилъ, сколько было для дѣла надобно, а про министерство будущаго Биконсильда зарубилъ себѣ на носу, ни слова не говоря,

конечно,—и понялъ, почему записка—эта, потомъ еще подобная же,—потихоньку отъ меня пишутся. Значить, спасибо, не считаютъ меня ни дуракомъ, ни шельмой. И этотъ же Игнатьевъ при мнѣ намедни плакалъ,—растрогался моими рѣчами о Соборѣ.

Всѣхъ лучше о Земскихъ Соборахъ писалъ Загоскинъ. Книжку его я намедни возвратилъ Дм. Θεод. Самарину. Всѣ прочіе (послѣ Конст. Сергѣевича и Бѣляева)—конституціонисты: Загоскинъ тоже, но блѣдный, безстрастный. Издаеть и живетъ (профессорствуетъ?) онъ въ Казани. Мои статьи, каковы я Вамъ ихъ читалъ лѣтомъ, въ „Русь“ тогда ужъ не будутъ годиться, надо ихъ будетъ передѣлать—обеззадорить. Постараюсь немедленно отдать этому *все свободное* время. Въ „Правит. Вѣстн.“ писать о Земскихъ Соборахъ—Бога ради, не накличете мнѣ такой бѣды. Въ „Сельск. Вѣстн.“ необходима будетъ простонародная исторійка З. Соборовъ; этого, очень труднаго и (съ цензурой „С. Вѣстн.“) хлопотнаго дѣла мнѣ не минуть.

Если, дастъ Богъ, будетъ манифестъ подписанъ 6-го, то появится въ „Правит. Вѣстн.“ 7-го только.—6-го Вознесенье, рожденіе Цесаревича, 200-лѣтняя годовщина и годъ Игнатьевскому министерствованію. 5-го подписать нельзя.

Прилагаю послѣднее досель черновое манифеста и, первое, пока мѣсть счета соборянъ. Рескриптъ не посылаю; я написалъ его сѣть всю и ходъ пояснилъ; отъ обмундировки же всего этого во фразы отказался;—какъ удалось это Воейкову—увиджу завтра, секретно, за завтракомъ у Воейкова. Старшинъ на Руси оказывается всего три купеческихъ: въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ Одессѣ, также и мѣщанскихъ, и ремѣсленныхъ. Я замѣнилъ ихъ нарочито выбранными купцами. Надо бы написать, по моему, указъ Сенату о Земск. Соборѣ; гр. Игнатьевъ находить это лишнимъ и, полагаю, весьма ошибется. Уставъ писанный, то есть печатный—штука конституціонная, ведущая къ вѣчнымъ препирательствамъ о параграфахъ, вмѣсто совѣщанія о дѣлахъ. Соборный уставъ...—вотъ Вамъ и написалъ:—быть собору по старинѣ, на всей волѣ Государевой.—Нужно, говорить Игнатьевъ, устроить особую Земско-Соборную канцелярію при Мин. Вн. Дѣлъ; согласится ли Дм. Θεод. Самаринъ быть директоромъ?—Не знаю, говорю, согласится ли Дм. Θεод.; но, по моему, канцелярія—Приказъ, что ли—Земско-Соборный, долженъ быть при особѣ Государя.—Начальникомъ Приказа долженъ быть даже не министръ Вн. Дѣлъ, а гр. Игнатьевъ; а товарищемъ—хорошо кабы согласился Дмитрій Θεодоровичъ.—Слы-

шалъ ли отъ него Дм. Ѳеод. о Соборѣ,—Игнатъевъ мнѣ не сказалъ; я, впрочемъ, и не спрашивалъ. Не слазить бы: удивляюсь какъ до сихъ поръ въ Петербургѣ Соборъ и отсрочка коронаціи—секретъ. Условимтесь. Если телеграфирую Вамъ: *пришлите экипажъ на станцію къ почтовому, Дмитріевичъ*, значить: *пришлите въ Петербургъ нарочнаю такъ, чтобы онъ 6-ю могъ уѣхать къ Вамъ*.—Если же: *экипажа не высылайте до новой телеграммы*, значить: *теперь подписанъ манифестъ не будетъ*.—Безъ словъ *до новой телеграммы*, значить: *дѣло вовсе покинуто*; при этомъ: *письмо отправляю*, значить: *напишу Государю*.—Едва ли сможетъ Игнатъевъ уѣхать въ Москву 7-го, да и зачѣмъ? Но, если да, и скажетъ мнѣ если впередъ, то телеграфирую Вамъ, назвавъ его *Шараповымъ*. Моя подпись всегда,—*Дмитріевичъ*. Пожалуйста, не говорите ему, что Вы отъ меня узнали о манифестѣ и объ отсрочкѣ коронаціи; а то волей неволей, придется мнѣ быть съ Вами—чего бы не желалъ—скромну. Про Дм. Ѳеод. тоже, конечно, буду твердо рассчитывать, что какъ будто ни Вы, ни Дм. Ѳ., ни я отъ Васъ—ничего не знаю.—Остальное важное все, кажется, написала жена. Какъ Вы могли подумать, что я такъ вотъ—здорово живешь—не пишу Вамъ. Ваше намеднешнее письмо о Ровинскомъ получилъ я подозрительно запачканное по заклеякѣ. Тоненькаго Толстого (Вашего) я видѣлъ тутъ, встрѣтилъ на лѣстницѣ у графини Игнатъевой, спросилъ адресъ, хотѣлъ черезъ него написать и переслать Вамъ о жидакъ; но для прочаго не счелъ его вѣрной оказіей. Сегодня у меня опять былъ маленькій припадокъ лихорадки,—вечеромъ пока я былъ у Игнатъева. Пишу Вамъ съ головою болью. Теперь уже 5 часовъ; въ 10 будетъ Вашъ посланный, пора мнѣ лечь поспать. Не взыщите за неразборчивое царпанье. Сердечно крѣпко обнимаю Васъ.

П. Голохвастовъ.

Ахъ, дай-то, Господи!... Жена увѣряетъ, будто я посѣдѣлъ за этотъ мѣсяцъ. Не вижу этого, но вѣрю.

Мая 6-го, 1882, Четвергъ.

Дорогой Иванъ Сергѣевичъ, посейчасъ ничего еще не рѣшено и сегодня едва ли что рѣшится; подписанъ манифестъ почти навѣрно не будетъ; будетъ ли, по крайней мѣрѣ соглашенье на его неотложное обсужденье; не вотретъ ли Побѣдоносцевъ Государю манифестъ въ такомъ родѣ, что никогда З. Собору не бывать—вотъ чего боится гр. Игнатъевъ. Послѣ моего письма къ Вамъ (съ Вашимъ нарочнымъ) дѣло шло крайне вяло. Воейковъ, кн. Шаховской, Алехинъ то и дѣло пи-

сали докладныя записки о Соборѣ—взоръ на вздоръ—и передѣлывали писанное мною. Все это яко бы тайно отъ меня и обо всемъ, о каждомъ, по дважды и трижды совѣщаясь со мною. Гр. Игнатъевъ думаетъ, кажется, что знаетъ и пишетъ одинъ Воейковъ; а меня только три дня тому назадъ пересталъ увѣрять, что знаю и пишу одинъ я, да самъ онъ, гр. Игнатъевъ, кое-что поправляетъ. Рескриптъ былъ написанъ мною такъ: Сегодня минуло 200 лѣтъ... я снова позвалъ Землю на древлеобычный нашъ Царскій *совѣтъ* съ нею. Подобно предкамъ, совѣстимъ первый Соборъ царствованія съ торжествомъ вѣнчанія на царство. Отсрочиваю коронацію, чтобы не торопить съ выборами, прїѣздомъ и пр. Считаю это самымъ богоуказаннымъ временемъ, чтобы свидѣться съ Землею, свѣститься съ нею, привести ее всю къ единомыслию правды и приступить къ самому насущно-нужному дѣлу къ устройству *уѣзда* и волостного или же приходскаго суда и управленія. Вотъ почему призываю въ такомъ большомъ числѣ собственно земскихъ людей: крестьянъ и—относительно еще въ большемъ—землевладѣльцевъ; и вотъ почему на *этотъ*, и такъ уже столь многочисленный соборъ, не призываю нарочито выборныхъ отъ *горожанъ*, кромѣ почетныхъ... Для непосредственности выборовъ призываю не отъ З. Собраній, а прямо отъ земщины, землевладѣльцевъ, отъ уѣзда, безъ различія крупно и мелко помѣстныхъ крестьянъ потому то отъ округъ, гдѣ бы всѣ они по возможности, до и послѣ Собора, могли бы сноситься съ своимъ соборяниномъ. Распорядитесь удобствами прїѣзда и прожитія въ Москвѣ соборянъ, моихъ гостей на коронаціи и т. д.,—объясняя все, во первыхъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ объяснить, во вторыхъ, чтобы не обидѣлись горожане, земство малымъ ихъ призывомъ. Рескриптъ былъ написанъ очень сжато. Его отдали передѣлать, я думалъ только разъяснить, какъ обыкновенно съ моими записками и т. п. дѣлается. Вышло—нѣтъ: выпустили все существенное, оставили только 200 лѣтъ, приписали, что Государь—охранитель собственности;—всѣмъ остальнымъ распорядиться графу, котораго многолѣтняя опытность... и пр. Графъ самъ прочелъ мнѣ эту дребедень и пригласилъ высказать, не стѣсняясь мое мнѣніе,—все де остальное найдетъ мѣсто уже въ его циркулярахъ. Я сталъ возражать: одинъ Государь можетъ сказать (слѣд., въ рескриптѣ, а не министръ въ циркулярѣ), о чемъ онъ намѣренъ совѣщаться. Не говорить о совѣщаніяхъ вовсе, не очертить ихъ предѣла:—будутъ готовиться говорить о томъ, о семъ и еще кое о чемъ. Не объяснять, почему города и губерскія земства обойдены,—скажутъ, что Царь боится интеллигенціи,—сзываетъ мужиковъ да мелкотравье.—Ну, такъ введите это опять въ рескриптъ; только вотъ этимъ *мякимъ стилемъ*.—Для стиля разрешите мнѣ сгово-



ряться съ Воейковымъ.—Позвали Воейкова, ледь секретъ былъ проломанъ. Теперъ въ рескриптѣ опять *кое-что и мяко* введено. Настаетъ 3-е Мая, графъ признается мнѣ, что Воронцовъ относится къ дѣлу очень сухо; оказывается, что гр. Игнатьевъ отъ него многое скрылъ; Побѣдоносцевъ враждебенъ, съ нимъ Игнатьевъ еще вовсе не пытался столковаться; Островскій знаетъ кое-что отъ Государя и ничего до сихъ поръ отъ Игнатьева; другіе, *кажется*, ничего не знаютъ. Все было рассчитано на то, чтобы сорвать съ Государя согласіе и подпись и оставить всю славу дѣла себѣ. Я предлагаю: пошлите меня къ Побѣдоносцеву....—Подумаю.—4-го, утромъ, пріѣзжаетъ Ѳадѣевъ къ Воейкову. Ѳадѣеву надо получить изъ Министерства; но можно и не получить, какіе-то 500 рублей подъемные-суточные. Ѳадѣевъ, *шутя*, говоритъ, что, если получку этихъ 500 рублей Воейковъ ему сейчасъ устроить, то онъ скажетъ Воейкову важную тайну. Воейковъ тотчасъ устроилъ. Ѳадѣевъ сказалъ, что на Воронцова со всѣхъ сторонъ налегаютъ, чтобы онъ противодѣйствовалъ Собору, но Воронцовъ де вчера сказалъ, что онъ будетъ за Соборъ, но только за *настоящій*, о какомъ онъ постоянно думаетъ съ осени (то есть, со свиданія со мной, 8-го Сентября). Ѳадѣевъ же указалъ и на предлогъ (преобразование святой дружины), по которому Воронцовъ сегодня же, 4-го вечеромъ, самъ-другъ съ Боби Шуваловымъ, можетъ быть у Игнатьева; потомъ остаться съ Игнатьевымъ одинъ. Такъ и исполнилось. Я Воронцова посейчасъ такъ и не видалъ съ Сентября. Пока онъ былъ у Игнатьева, я былъ, намекомъ черезъ Воейкова, приглашенъ все время быть въ Министерствѣ. Вызвали въ 10½ ч. веч. Воейкова къ Игнатьеву и черезъ него сказано мнѣ—ѣхать тотчасъ къ Побѣдоносцеву, попытаться уломать его, не сказывать ему только какіе акты (манифестъ и пр.) у Государя и ничего о днѣ 6-го Мая. Я скрѣпя сердце, поѣхалъ. Да,—вотъ еще что: 3-го вечеромъ Государь телеграммой вызвалъ Побѣдоносцева къ полудню 4-го въ Петергофъ. Игнатьевъ это тотчасъ узналъ черезъ полицію и 3-го вечеромъ, написалъ Побѣдоносцеву *длинное* письмо, прося у него свиданія 4-го утромъ. Побѣдоносцевъ отвѣчалъ, что онъ встаетъ поздно и до утренняго поѣзда времени имѣтъ не будетъ. Теперъ онъ вернулся изъ Петергофа и, судя по времени, очевидно не хочетъ пріѣхать къ Игнатьеву. Побѣдоносцевъ тотчасъ принялъ меня, сказалъ съ перваго слова, что ему ни минуты времени нѣтъ говорить о чемъ бы то ни было—ни сегодня, ни завтра....—Надолго ли Вы въ Петербургѣ?—Я тутъ уже около двухъ мѣсяцевъ служу у гр. Игнатьева чиновникомъ особыхъ порученій.—А, такъ вотъ оно!... Ну, слушайте же: Вы себѣ набили голову глупостями, такими же какъ Аксаковъ; сбиваете съ толку такихъ пустомель, какъ Строгановъ

и Игнатъевъ; знаю о чемъ идетъ дѣло; слышать ни о чемъ не хочу (и зажалъ себѣ уши); помолитесь Богу, чтобы онъ вразумилъ Васъ, Соборъ—тоже конституція—пагуба Россіи; киньте этого лгуна и вралю Игнатъева и уѣзжайте въ Воскресенскъ.—Нѣтъ, не уѣду: ѣхалъ бездѣйствовать, а ужъ подавно тормозить дѣло и вообще ничего знать не хотѣть,—значить брать на душу отвѣтъ передъ Богомъ въ тѣхъ бѣдахъ, какія отъ бездѣйствія могутъ и должны произойти.—Ну, какъ хотите; изъ Собора все равно; я навѣрное знаю, ничего не выйдетъ никогда,—подавно теперь. Прощайте.—Я вернулся; Воейковъ записалъ на бумажку отвѣтъ Побѣдоносцева и снесъ Игнатъеву. Воронцовъ у него ожидалъ отвѣта. Вчера у Игнатъева собрались нѣкоторые министры (безъ Воронцова) по постороннему дѣлу—очень (слишкомъ даже) неважному. Я опять долженъ былъ все время сидѣть у Воейкова. И опять Игнатъевъ не позвалъ меня даже и послѣ. Вѣроятно, Игнатъевъ созвалъ министровъ, дабы потомъ наверху, у графини, по одиночкѣ переговорить съ ними, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми.—Сейчасъ я былъ прерванъ пріѣздомъ Воейкова. Чтѣ было вчера у Игнатъева говорено съ министрами—неизвѣстно; но Островскій желаетъ видѣться со мною на досугѣ въ Субботу утромъ,—Игнатъевъ согласился на это. До сихъ поръ я Островскаго никогда не видалъ. Островскій объявилъ Игнатъеву, что онъ будетъ всей душой за Соборъ *настоящій* (все повторяютъ это слово); но, что, если сегодня Государь подпишетъ манифестъ, то есть до дѣльныхъ обсужденій, онъ, Островскій, подастъ завтра въ отставку; и не поѣхалъ сегодня въ Петергофъ (Вознесенье, рожденіе Цесаревича);—поѣтому ли не поѣхалъ, что ни Государь, ни Игнатъевъ не говорили съ нимъ прямо и обстоятельно о Соборѣ или по чему другому,—Воейковъ не знаетъ. Вотъ и все пока, дорогой Иванъ Сергѣевичъ.—Письмо это доставить Вамъ вѣрный, славный человекъ, Алексѣй Александровичъ Нейдгартъ; онъ сегодня уѣзжаетъ въ Москву. До свиданья; крѣпко обнимаю Васъ. Въ 5½, вернется Игнатъевъ изъ Петергофа. Коль успѣю, завезу записку Вамъ (черезъ Нейдгарта) на курьерскій поѣздъ.

Душевно Вашъ

П. Голохвастовъ.

---

Получилъ Ваше письмо съ А. А. Нейдгартомъ, дорогой Павелъ Дмитриевичъ, и обрадовался хоть какому нибудь извѣстію: все же лучше томительной неизвѣстности. Я, ничего не объясняя, держалъ наготовѣ въ праздникъ (6-го) работниковъ въ типографіи, хотя, не получая никакихъ телеграммъ, предполагалъ, что Вы и сами навѣрно не знаете.

Подробности писемъ Вашихъ и Ольги Андреевны (которую благодарю всей душой), присланныхъ съ артельщикомъ, а также и послѣдняго,— производятъ удручающее впечатлѣніе. *Нельзя пьесу Шекспира представлять въ театрѣ марионетокъ.* Островскій поступилъ такъ, какъ и я бы на его мѣстѣ.... Но удивительно, что слухи о З. С. почти не проникли въ общество. Уте гитенг vague никого и не волнующая. Думаю, однако, что Побѣдоносцевъ одержитъ верхъ, напугаетъ и заставитъ, по крайней мѣрѣ, отсрочить на неопредѣленное время. Право, не знаешь къ худшему это или къ лучшему. Едва ли первое, въ виду несерьезности главнаго воротилы. Нельзя воровски, украдкой прошмыгнуть въ Царство Божіе и—главное—впихнуть туда другихъ. Ради Бога, продолжайте пользоваться оказіями и сообщать мнѣ о ходѣ дѣла. Обнимаю Васъ и цѣлую ручки у Ольги Андреевны.

И в. Аксаковъ.

8 Мая, 1882.

